

18+ Степан Дуплий

Поэфизика души

Эмоциональная проза.
Китайский штрих-пунктир

Степан Дуплий

**Поэфизика души. Эмоциональная
проза. Китайский штрих-пунктир**

«Издательские решения»

Дуплий С.

Поэфизика души. Эмоциональная проза. Китайский штрих-пунктир / С. Дуплий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-568662-6

Книга «Поэфизика души» представляет собой полное, на момент издания 2022 г., собрание прозаических произведений автора. Как рассказы, так и миниатюры на полстраницы, пронизаны эмоциями и искренними чувствами на грани срыва, что заставляет возвращаться к ним вновь. Буквально каждое слово рисует уникальные картины нетривиальных внутренних миров автора, которые перетекают друг в друга поэтическими образами, воплощенными в прозе. Также включены юмористические путевые заметки о поездке в Китай.

ISBN 978-5-00-568662-6

© Дуплий С.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Эмоциональная проза	7
Поэфизика	7
Хорошо, что тебя нет, мама	8
Ненастность	16
Судорога времени	17
Двойная спираль прошлого	18
Время	19
Я пою тебе грусть	20
Твоя смерть во мне	21
Раздробленность	22
Разговор с мамой на ее могиле	23
Разговор с мамой через 32 года после её смерти	24
Страничка запада	26
Побег из Мулен Руж	27
Три Романа	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Поэфизика души Эмоциональная проза. Китайский штрих-пунктир

Степан Дуплий

© Степан Дуплий, 2022

ISBN 978-5-0056-8662-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Степан Дуплий, физик-теоретик, поэт, музыкант, родился в Чернышевске-Забайкальском, недалеко от Читы, в которой и провёл детство. Затем родители переехали в Харьков, где он окончил школу, университет (начинал на радиофизическом и заканчивал физико-технический факультеты), защитил кандидатскую и докторскую диссертации по теоретической физике. В настоящее время доктор физико-математических наук Степан Анатольевич Дуплий имеет более 100 научных публикаций и 5 научных книг, занимается исследованиями по квантовым вычислениям и математической физике в Германии.

Степан Дуплий пишет стихи и прозу на русском и английском языках, регулярно публикуется в отечественных и международных литературных журналах, а также на литературных интернет-порталах.

Кроме того, он окончил музыкальную школу и аккомпанирует себе на гитаре. Степан Дуплий является автором нескольких книг стихов и прозы, также он действительный член Российского союза писателей с 2015 года и награжден медалью Бунина (РСРП 2020). Во время научных поездок в Англию, Германию, США, Китае, Испании, Польше он проводил творческие встречи (поэзия и авторская песня), а также записал CD/МС-альбомы и отдельные песни на профессиональных музыкальных студиях в Германии и США.

Эмоциональная проза

Поэфизика

Поэзия как сверхновая чувств. Физика как сверхновая идей. Строка стиха и строка формулы как две стороны луны, как бинарная звезда пришельцев. В моей душе эти строки как единый сфинкс. Я не разделяю идеи физики и метафоры поэзии. Чтобы сотворить их из ничто, необходим неконтролируемый термоядерный синтез творчества. Чем нетривиальнее топливо, тем дальше в будущее будет выстрел.

Однако я верю, что поэзия не может быть сконструирована в точности, как формула. Внешние законы и правила прозрачны для нее. Живы только внутренние, интуитивные. И главный закон: без критической массы страдания реакция творчества не стартует. Чувства и идеи коллапсируют до таких плотностей, что, независимо от моего желания, происходит взрыв на бесконечность.

Идеи и чувства всепроникающи. Не избежать их в себе. И тогда – я больше не боюсь, что кто-то будет насмехаться над моей слабостью, моими страданиями, моими комплексами и над моими минусами...

Поэфизика позволяет мне подняться над ними и над этим всем, над бытом, над образом жизни, над временем.

Хорошо, что тебя нет, мама

Ты даже не представляешь себе, что происходит сейчас в мире и что произошло, пока тебя не было. Даже в ужасном сне никогда не смогла бы вообразить. Может быть, если бы ты это увидела тогда, перед уходом своим, ты бы вообще не жалела о том, что не попала в это будущее время. Очень странное будущее: без той страны, в которой ты жила, без тех людей, которым ты была так предана, без тех ценностей, которые держали нас «на плаву». Никому ничего не нужно и неинтересно теперь. Потому что – никого нет. В реальности – никого нет. Остались только: иллюзия людей, иллюзия целей и стремлений, иллюзия чувств и отношений. Всё ушло – в небытие, в анти-цивилизацию.

Да. Хорошо, что ты в реальности не наблюдаешь всё это. Ты бы не поверила глазам своим. Степень сумасшествия зашкаливает во всех странах, а «развитые» и «недоразвитые» страны скоро вообще поменяются местами. Вот только немного из того, что я не могу тебе не рассказать.

Мама, могла бы ты себе представить, что в огромной стране часть населения одной расы заставили бы целовать грязные ботинки представителям другой расы? Даже мэр города это делал. Формально за то, что последние работали на первых за еду, а не за миллионы долларов всего какие-то 400 лет назад. Чтобы носили портреты и называли улицы именами настоящих убийц и преступников, у которых есть реальные неотсиженные в тюрьмах сроки? Представь, чтобы выгоняли с работы, если человек назовёт мальчика мальчиком, девочку девочкой, папу папой и маму мамой? Нельзя, теперь они – родитель №1 и №2. В некоторых наиболее извращённых странах придумали «аж» 14 полов. А в больницах очереди на несколько лет, чтобы из одного пола другой сделать – искусственно. И даже подросткам, которым татуировки ещё запрещены, но уже пол менять можно. Вот юмористы. Везде, даже в школах теперь «супер-толерантность»: предметы о трансгендерах (это такие существа, у которых считается есть одновременно 2 пола, а может и все 14) и порнография (с инструкциями, кто кого, как и сколько раз) – предметы самые важные. При этом физику, математику, химию объединяют в один предмет и переименовывают в «естественные науки», и учат бедные учащиеся такой сложной предметике только 1 час в неделю. Интересно, что из таких детей получится, кроме отбросов мусора общества, но зато «толерантного»?

Тебе как акушеру-гинекологу было бы любопытно узнать, что теперь можно официально рожать детей на продажу, или сделать аборт за месяц до рождения и продать уже сформировавшегося своего же ребенка как мешок «свежих» органов за очень дорого? Что такого – просто на машину/квартиру/поездку «на юга» не хватало. А если накопить тучу денег на преступлениях, то в «очень свободных» странах разрешается купить себе свой остров и возить туда не своих, а чужих детей самолётами, не отчитываясь, сколько же вывезено обратно. Зато можно пригласить даже президентов для оплаты расходов, неприкасаемости и безопасности, чтобы они читали деткам «невинные сказки на ночь». Сейчас даже открытую статистику публикуют в газетах, что в год куда-то почти миллион детей пропадает в мире. Странно, и куда они все запропастились, недоумевают наивные корреспонденты, которые знают об этих островах, фирмах «для сбора органов» как бы «для пересадки» и получения из них специальных лекарств для омоложения с миллионными бюджетами и даже ресторанами с вкусняшкой-человечинкой, наличие которых никто и не думает скрывать. Вот такая «вкусная» сейчас «открытость и демократия».

Нет, мама. Это тебе не стоять за операционным столом часами, чтобы спасти каждую мамочку и её ребёнка, что ты делала много раз. Есть у тебя даже альбом с фотографиями спасённых детей. Я помню, что ты ни разу не взяла за это ни копейки. Говорила: у меня есть зарплата, и мне её хватает. Ну, а цветы и конфеты нельзя же было бросать в лицо искренне

дарящей. Я хорошо помню, как ты прятала коробки с конфетами между пододеяльниками в шифоньере. Но я-то знал все «специальные места» и применял эти знания регулярно. Так, что, когда приходили гости, и ты торжественно ставила к чаю на стол... полупустую коробку с хорошими конфетами, отец применял ремень по прямому назначению, только одно радовало, что экзекуция проходила «весело» после ухода гостей.

Мама, зачем ты это делала, зачем спасала детей, если теперь совершенно законно твои же земляки, а, может быть, и спасённые тобою дети, став пьяницами и наркоманами – расстреливают из танков и гаубиц своих же земляков и их детей – причём безнаказанно и годами. И ничего – только медали «за отвагу» стрельбы по детским садикам для своих же. Причина простая: получение денег не для работы и творения чего-то полезного, а за убийства – от стоящих над ними таких же убийц, но с деньгами от ещё вышестоящих, а то и зарубежных «правильных» убийц. Ты спасала одного ребёнка каждый раз за одну операцию, а они – могут и нескольких детей грохнуть за один выстрел (даже не целясь, многие просто не умеют или уже выпили, просто наугад), а потом гордиться убийствами и медальки показывать всем – «героизм» супротив «агрессора», у которого их же дети и на подработках, на которых убивать никого не надо. Зачем же ты детей спасала, стоя у операционного стола ночи напролёт?

Мама, а ты знаешь, для чего детей сейчас «заводят»? Чтобы фотографировать и рассылать всем знакомым по всем социальным сетям, где сидят все социальные бездельники. Они тычут телефоном с камерой в себя и детей ежеминутно, а также в свои тарелки, что они едят (хорошо, что пока еще до унитазов не доходит, хотя может я отстал?), и шлют тысячные рассылки сотням знакомых и не очень – нажатием одной кнопки (письма сейчас индивидуальные никто не пишет). Всё просто. Никаких проявлений пленок и фиксажей – вспоминаешь, как мы с отцом часами сидели в темной ванной с десятками химикалий для проявления фотопленок? А на одну киноплёнку – для двух минут и 10 метров пленки – уходило полдня, а потом сушилась она до вечера. Поэтому каждый проявленный своими руками кадр был на вес золота – живой переносчик тех наших чувств во времени на бесконечность.

Помнишь, мама, сколько сказок ты мне читала. И бабушка с дедушкой тоже. Теперь всё проще – родители сажают ребёнка в месячном возрасте перед телевизором. Пусть смотрит часами и «развивается» сам. Чтоб не мешал. Потом перед компьютером или телефоном с экраном. И так до совершеннолетия.

Помнишь, у нас тогда было только два канала ТВ: 3й и 9й. Сейчас каналов сотни, сериалов тысячи. Сериал – это когда недо-актёры бегают перед камерой без подготовки и выучивания текста, несут чушь и не играют, а выпендриваются, пытаются показать только себя или одежду свою только что купленную. Зато без дублей, в реальном времени. И «актёрам» заработок хороший. И лохи возле экранов довольны – легче «действия», чем бездарное и бездумное кривляние и самолюбование, не бывает. На такое Станиславский бы кричал «Не верю» после каждой фразы.

Представляешь, мама, ты работала, чтобы получать зарплату и растить детей. Теперь в некоторых западных странах этого делать не надо. Перебежал через границу незаконно без документов, объявил, что бежишь от какого-нибудь «плохого режима», и ты уже «беженец». Люди стали мясом. В магазине ты платишь за мясо, а теперь – мясу платят: большому куску много, а маленькому – поменьше. У большого куска мяса есть смысл надеть маленьких кусочков побольше, тогда можно всю жизнь спать и не работать. Но таскать из магазинов сверхпереполненные тачки с едой. Хотя это и скушно. Этим мясо и отличается от человека: ни работать, ни учиться, лишь бы плодиться. И зачем их там так много набирают? Молодых двадцатилетних парней в основном. Женщины и дети реже. Только для того, чтобы именно их по ТВ показали. Чтобы «жалко» было, и границы можно, хоть и незаконно, открывать. Может цель какая интересная? Как бы устроить «повеселее» «закат Европы»? Что будут делать несколько поколений паразитов на теле общества, которые никогда не работали – ни на себя, ни на страну

свою, они даже не помнят, как их страна называется? Легко догадаться, что может произойти, когда их численность превысит критическую массу. Но – страшно.

Теперь ты смеяться будешь: в президенты можно даже комикам и домашним хозяйкам. Вот я бы за тебя проголосовал, хотя ты была гораздо больше – заведующей гинекологическим отделением. И тебе это не нужно: ты профессионал. Ты училась в мединституте на отлично, ты читала книги, развивалась. И тебя уважали и любили все женщины вокруг. Они знали, что ты всё знаешь. Своё. О них.

А теперь – доходит до абсурда. Ты могла бы себе представить, чтобы президент страны в прошлом был бы профессиональным шутком десятки лет и играл как-бы причинным местом на рояле («оригинальная» шутка «позаимствована» у довоенного французского комика) в телешоу на главном канале страны? О чтении каких-то книг и политическом образовании речи вообще нет. Например, что бы ты сказала, если бы Брежнев, Мао Цзэдун, Рузвельт или Черчилль – поиграли бы этим их важным местом популярную классическую мелодию на всю страну, кривляясь у рояля? Было бы очень весело посмотреть.

Ты любила говорить о политике, но тогда не было такого ужаса. Вот посмотри – в одной стране всякие «главные» руководители говорят руководителям другой страны: поставьте эту домохозяйку президентом, мы приказываем. Никакие народные выборы значения не имеют, мы не верим и пересчитывать не хотим. Просто нам так хочется. Своих людей везде ставить, чтоб легче местных идиотов грабить «законно» и безнаказанно. Она, домохозяйка эта – ведь жена (или любовница, никто не знает) «блогера» – это такие сейчас бездельники развелись: необразованные, не прочитавшие ни одной книги живой (только пару строк в интернете), великовозрастные болваны – сидят с пивом у экрана компьютера 24 часа в сутки и тычут в клавиатуру, печатают гадости во всех местах, куда их пускают и за какие им платят. Только бы «засветиться» везде. Чтобы не называть их дебилами, их называют «блогерами», часто «троллями». А некоторые в своей грязи и до верхов могут доползти. Доходит до такого случая, например. Вот один совсем «бьюти-блогер» (красивый, так про него говорят, чтоб не стошнило) до такой степени напраздновался в гостинице перед посадкой в самолёт, что ему в полете плохо стало, и он орать начал. Даже самолёт посадили, а его – в больницу, а не в милицию, как бы с «небьюти-блогерами» поступили бы. Обследовали лучшие врачи страны. Ничего не нашли серьёзного. Но он был такой бьюти, что канцлер другой страны (известной своими канцлерами) выслала личный самолёт (оплаченный по неизвестной причине «радостными» налогоплательщиками страны канцлеров), чтобы его вывезли в ту страну как-бы на лечение. Хотя у него была подписка о невыезде и куча приводов в милицию. Неважно. Для заплаченных «оттуда» «бьюти-блогеров», что «случайно» заканчивали «курсы повышения квалификации» в том же университете, что и президенты ещё одной страны, у которой все ракеты были (и сейчас тоже, но больше) нацелены «мирно-мирно» на нашу страну уже 50 лет – законов для них нет, причём от слова никаких. В этом и святость «бьютизма». Когда «блогер» очухался, поговорил с канцлером, она его лично посетила (он же «бьюти» – а все современные канцлеры посещают «бьюти-блогеров» всегда, как ты понимаешь), он послушал, как именно теперь ему прикажут гадить и на кого, вдруг стал опять орать, что его отравил именно тот президент (причём лично), который его и выпустил из его же страны, врачи которой реально спасли бьюти-жизнь. Можешь себе представить, мама, чтобы Сталин безработного кляузника и писаку гадостей о своей стране и доносов Гитлеру на деятелей, близких к Сталину, выпустил бы Гитлеру на личном самолёте (Гитлера) когда они ещё «дружили» со Сталиным? Чтобы лечить неработающего блогера в военном госпитале, а этот весь цирк многомиллионный оплачивал «счастливый» налогоплательщик страны канцлеров «добрых»? А потом «блогер» должен был неистово и «честно» кричать после протрезвления, что это лично Сталин и отравил несчастного: полную бутылку отвалил военного яда (один грамм которого может полгорода отравить), не жалко же для такого «бьюти». Мир перевернулся.

Так вот, мама, политика сейчас иная. Приказывают из других стран, если не поставите домохозяйку нашим «хорошим» президентом, то вашего действующего и избранного народом (всё равно ваши выборы «неправильные» по определению) «плохого» президента – мы сами и «снимем». Как? Очень просто: дадим юнцам и девицам безденежным по десять долларов, пусть (чем на работу или в университет идти) макияж сделают хороший, пивка купят и бегают по улицам с цветочками и фоткаются, провоцируют милицию, кидают в неё всё, что поднимут и что прикажут «зарубежные освободители», и гранаты самодельные даже (чтоб самим себя успешно грохать в назидание «плохому» президенту), чтобы картинка у каждого в телефоне или фотокамере красивая получилась. Её, эту картинку, и продают на зарубежные «свободные» СМИ и говорят, какой этот дядька, президент-некухарка, сильно плохой, поставьте нам кухарку. Мы даже ей Нобелевскую премию дадим – за «кухаркость». Теперь же везде всё «свободно». Теперь Нобелевку только своим и политически раздают: твякнул на «плохую» страну из «хорошей»: получи премию. А действующего президента, которого народ «неправильно» выбрал, мы арестуем и застрелим, или даже повесим – сильно «демократично» (и это уже было в реальности в разных странах, которые отказывались назначенных снаружи «хороших» и «кухарок» ставить президентами): ведь «плохой» президент такой «плохой», что дебилюнцов разгонял с улиц не нежно, не давал им ещё по 20 долларов за то, что они буянят, провоцируют бардак на улицах и показуху для зарубежного ТВ устраивают. Тогда и появится «причина» этого непослушного президента «законно» арестовать, привести в какой-нибудь красивый город вне его страны, где «важно» заседают в большой комнате убийцы и висельники, а называется это «самый гуманный и самый справедливый суд» во всем мире, законы которого выше локальных законов стран. И многих законно избранных своими народами президентов уже так «справедливо» повесили и убили «супер-демократично», даже «ласково» протыкали палками насквозь в прямой трансляции на все каналы мира, чтобы другим пока ещё не проткнутым палками президентам – неповадно было послушаться «кухарок». Так что дедушка Ленин – со своими примитивными фразами про кухарок и государство – просто сейчас угорает и переворачивается там наверху от смеха. Он был так недалек от истины.

Помнишь, нам тогда много рассказывали о демократии. Но никто не задумывается, что демократия (в нашем понимании народовластия, а не в оригинальном) – это не только народные выборы, а также второй важный принцип: проигравшая сторона соглашается на проигрыш. Это двойной принцип демократии настоящей. Договариваться нужно до выборов. Ведь, если проигравшая сторона не соглашается, то и выборы не нужны вообще, в принципе. Какой смысл в «выборах», если заранее известно, что никто не на что не соглашается. И все равно драчка и грызня будет. Цирк только – и всё. Вот так сейчас во всех странах. Двойные стандарты, ложь и подкуп, отравления «бьюти-блогеров» и подставы «кухарок» – считаются в наше «очень-очень свободное и сильно-сильно справедливое» время нормой. И «демократией».

Знаешь, а про остальные должности, кроме президентской, я вообще не говорю: любой имбецил за деньги может быть сейчас на любой должности. При этом знать вообще ничего не надо. Учиться чему-то – просто позор. «Наверх» может попасть ворюга и взяточник (что везде и есть в основном), который не только читает по слогам не больше одной строки и писать не умеет, он также говорить не умеет вразумительных фраз, хотя бы две подряд. Сплошное мычание и материал для анекдотов народных. Социальный лифт превратился в антиунитаз: дерьмо из дерьма наверх лезет и ползёт. А достигнув своих целей (в основном денег побольше), сверху всех поливает тем же. Главное, что гордость за себя и влюблённость в себя этого дерьма превышает его ужасный запах во много раз.

Помнишь, мама, как свято мы относились к учёбе, к получению знаний, к развитию себя. В выходные мы втроём с отцом садились на кровать, клали посередине все журналы, пришедшие по подписке за месяц (в основном «Природа» и «Наука и жизнь»), затем читали по очереди статьи о новых открытиях в физике и биологии, полетах в космос и технологиях. Теперь никто

такого не читает, а сама учёба превратилась просто в фарс. Всё находится в так называемом интернете, сетка международная из байтов для слежения за всеми: придумана в одной «дружественной» для всех стране в военном здании с пятью стенами, где сидят тысячи «легальных» убийц и планируют, кого бы ещё грохнуть или повесить «демократически» и «справедливо». Интернет там придумали для простой слежки за всеми, но формально – типа для информации обо всём. Нажал кнопку и всё тебе на экране показало. Учиться и что-то запоминать не нужно. Засмеют.

Помнишь, как мой отец начал давать мне еженедельные задания из 10 вопросов по физике и математике. Это после того, как тебя вызвали в школу и сказали, что у вас дебил растёт: только девочек за косы дергает и в окно потом задумчиво смотрит. Хотя задачи все решает и подсказывает, бессовестный, другим, да ещё и не бесплатно, а взаимно – за задания по литературе, которую не любит, поэтому и отсаживали отдельно меня на всех контрольных по математике и физике.

Представляешь, что сейчас с экзаменами везде, в школе и институте? Дают вопросы вместе с тремя ответами, только птички поставить или отметить на экране надо. Всё. Причём, если ничего не знать и не готовиться к экзамену, а просто потыкать случайным образом, то уже на 33% все сдал. Большинство так и делает. Теория вероятности в действии. А лекции читают на «удалёнке» по монитору. Лектор сидит или стоит возле экрана компьютера и рассказывает материал ученикам или студентам. Почти никакой обратной связи и контроля, кто спит и кто ест, кто вообще выключился. Такое сейчас современное «образование». Вот такие теперь будут «врачи», «конструкторы», «инженеры» и «покорители космоса». Они так «налетают» и «налечат», мало не покажется.

Помнишь, мама, как мы все гриппом болели и лечились от него простыми методами. Воспаление легких не намного сложнее было. Чай с лимоном, тепло, народные методы, аспирин – и хватит. Я еще симулировать пытался перед контрольной, чтобы в школу именно в этот день не ходить. Но ты была хитрее. Говорила: сегодня сходи, а завтра, если хуже будет, дома останешься. А я так старался, кашлял, не помогало. Строгой и справедливой, догадливой была.

Помнишь, ты маску надевала только на работе в больнице и то – лишь во время манипуляций. Теперь всем сказали: кто-то в другой стране съел летучих мышей и заразился, неизвестно чем, как бы вирусом, поэтому – носить маски всегда. И везде. А то и побить могут. Всем детям с 2-х лет и старикам после 70 – тоже. Чтобы дышали поменьше. Нечего тратить воздух зря. Недавно дети на линейке в одной школе просто попадали в обморок от этого безумного маскарада. Также, по телевизору показали проститутку из Амстердама, которая «божилась» на камеру (чтобы штраф не выписали), что клиентов будет принимать в маске и резиновых перчатках. Интересная и оригинальная мысль. В ресторанах и барах все боссы с метром ходят и расстояния измеряют. Если расстояние между столиками 1 метр 45 сантиметром, то точно заразишься, чем, непонятно. И штраф получишь. На половину месячной зарплаты. По-доброду. «Ради здоровья». А вот 1 метр и 50 сантиметров можно – «страшно-вирус» совершенно не «долетает»: можно пить и есть, сколько хочешь. Во многих странах закрыли сотни предприятий и бизнесов. Зачем? Хотя от гриппа и туберкулёза умирают в сотни раз больше, чем от этого «страшно-страшного» специально выращенного для страха, как бы «вируса». Но что это на самом деле, никто не знает. Ткнул в твой нос палочкой с ватой, хотя неизвестно, что на ней, а через 10 минут говорят, что анализ на какой-то «вирус» положительный. Обозвали «коронай», чтобы все гордились и боялись. Хотя вирус – это последовательность ДНК, чтобы найти и выделить, нужны месяцы. Кто что тестирует, неясно. При этом, странно вирус распространяется – только среди тех, в кого тычут палочками с чем-то. В то же самое время, сотни тысяч людей в разных странах ходят на бунты и протесты разные (чтобы ещё «свободнее» жилось, да и денег не за работу, а за праздное шатание получить), грабят сотни магазинов (их же построили и содержат люди с «неправильным» цветом кожи), свергают «плохие»

правительства (а то надоели уже, столько сидят и сидят, а движения и спектакля нет и нет) – и не заражаются волшебным образом. Но, используя как предлог этот один вирус (из почти тысячи, что у нас мирно живут), прогресс идёт. Для карманных телефонов с экраном придумали программу, что показывает всех людей как бы заражённых этим вирусом. Причём одним, а десятки других болезней игнорируются. А зря.

Представляешь, мама, если бы такой прибор был, что показывал бы все женские болезни. Я бы в молодые годы отдал все деньги и сразу не задумываясь – за такой прибор. Тебе как специалисту иметь его было бы особенно важно. Приходит женщина на приём к тебе как гинекологу, а у тебя на экране про неё – всё, чем больна и насколько серьёзно. И врач не нужен для диагноза, только для лечения. И зачем тогда у тебя стояли две стойки книг до потолка по акушерству и гинекологии? На книгах с нижних полок, как ты мне рассказывала, я учился читать по подписям под «интересными» картинками. Ты говорила, что в пятилетнем возрасте я уже лекции на эту тему читал, пользуясь первоисточниками, собирал детей с соседних подъездов. Правда, потом их родители, наслушавшись детских наводящих вопросов, прибежали к тебе, мама, и сильно обсуждали суть этих картинок. Потом отец меня бил. Впрочем, как всегда, заслуженно. Или вот такое полезное применение. Знакомишься с девушкой, а у тебя на экране телефона весь спектр её женских болезней. И ты уже точно знаешь, как с ней дальше вести и что делать, знакомиться ли после этого с её родителями, к своим приводить. Или наоборот, ищешь девушку с сифилисом, включил телефон, а они с красными метками снуют туда-сюда по экрану. Догоняешь одну и говоришь: наконец-то я нашёл тебя – с ним. Но при этом – все твои данные, параметры здоровья и место, где ты и что «свободно» делаешь, находятся у кого-то. Совершенно «тайно» от всех – конечно, кроме тех, кому эти данные понадобятся. А «вирус» «одинокий» может – как предлог? Игра такая странная. На простой лохотрон сильно похожа. Называется глобальная слежка и поголовное унижение. Не верится, что это реальность. Очень необычно и смешно. Если бы не было так грустно.

Помнишь, мама, демонстрации на 1 мая и 7 ноября? Весь наш маленький город соби­рался на центральной площади. Все женщины наряжались с вечера и были очень красивые. Проходили формально по этой площади, махали флагами, общались, делились новостями, радовались жизни, фотографировались и кино снимали друг о друге, а не только о себе. Потом, когда я учился в университете, у нас тоже как бы «загоняли» на демонстрации. Но это было тоже положительное явление. Мы знали как проводить время до и после того. Это был повод встретиться с друзьями и пообщаться нормально. Теперь вместо настоящих демонстраций везде какое-то сборище ненормальных, трансвеститов (не мужчина и не женщина, а яркое чёрти что) и других нестандартных личностей, которые считают, что именно они имеют право на все эти вакханалии. И парады теперь не героев и защитников наших, а пьяных и полуголых геев и лесбиянок, разукрашенных во все цвета радуги. Раньше эти слова были самым большим оскорблением, тогда они назывались запрещёнными словами (пидор или говномес, прости, но правда же) – за них можно было и в лицо получить сильно. А вот сейчас – быть не одним из них очень стыдно и несовременно. Это называется теперь типа «свобода». В наше время за такое очень надолго сажали. И правильно делали. Только сейчас мы стали понимать это, когда увидели, что кроме этого ничего и нет. Никакой культуры общения, а только «культура» извращения.

Мама, помнишь, как ты писала стихи? Я нашёл твой дневник. Ты записывала между дневниковыми записями свои только что сочинённые стихотворения, причём в одном экземпляре. На этих страницах остались следы от слёз твоих. Чувства и переживания были в строках этих. Настоящие и искренние. Теперь все по-иному. Открываешь какой-нибудь литературный сайт на компьютере и пиши, сколько хочешь. И на 10 разных сайтов можно слать одно и то же. Тогда ты можешь себя поэтом называть. И писать бесконтрольно, без рецензирования (литера-

тура тоже должна вычитываться профессионалами, как и научные статьи), что-угодно и о чём угодно. И таких писак до 10 миллионов на одном сайте.

Вместо «ни дня без строчки» они доходят до «ни часа без строчки». Куда это девать и кому нужны эти литературные отходы в таких количествах?

Поскольку возможных тем не бесконечное число, а талантов ещё меньше, «поэты» начинают списывать друг у друга. Это легально и открыто, жертвы даже радуются: вот и меня «заметили». Украденный «стих» называется синтоном или на их слэнге «эксп» от слова экспромт: заимствуются темы и образы, даже ритм. Все тексты такие одинаковы и пусты. Больше половины про весна/зима пришла/ушла, солнце встало/село, а мне так хорошо/плохо. Но все «писак» радуются. Смысл поэзии как переносчика эмоций и чувств теряется. Теперь всё оценивается в баллах. Ткнул в незнакомый стишок, и автор балл получил, написал «отзыв», именуемый рецензией, тоже. Тогда и он в тебя воткнет мышкой и напишет, что понравилось. О чём пишут другие, никого не интересует. Главное, набрать читателей побольше и баллов. Кроме того, закомплексованные бабушки начинают доставать молодых поэтов своими восторгами и комплиментами пустыми, а старые педофилы – молодых поэтесс, своими «профессиональными» «рецензиями» и личными, в основном скабрёзными, сообщениями. Как бы – про любоф. Вспоминают молодость неудовлетворённую. Тоже выход. А вот некоторые рассматривают такое общение, как вариант виртуальной измены, когда на реальную не хватает решительности, да и последствий никаких, если что, не надо разводиться и делить имущество. Удобно и безопасно, а эмоции почти те же. Только внутрипустоты больше. Да и от одиночества, даже в семье, так далеко не уйдёшь. Наиболее съехавшие устраивают «конкурсы» стишков: кто лучше всех. Сами и судьи, поэтому свои творения ставят на первые места. Критериев нет, только взаимовыгода из взаимобаллов. Игра такая для бездельников неудовлетворённых и извращенцев разного пошиба. И так доходит до 50 миллионов стихов на один сайт. Это же все поэты серебряного века и всех предыдущих веков. И кто столько стишков, афоризмов (каждый считает, что одно бездарное предложение и есть афоризм, путая себя с мудрецами прошлого), тупых и пустых рассказов ни о чём, кто это всё прочитать сможет. А почувствовать, поплакать, попереживать? Никому это не нужно. И даже в голову не приходит, они не понимают, что такое настоящие эмоции текста как отражение эмоции жизни. Выхолощен сам смысл писательства, сама идея.

Помнишь, как мы читали книги в автобусе или метро? Теперь всё поменялось. Мальчик сидит в автобусе и прокручивает экран своего огромного телефона с большим экраном, по которому можно возить пальцем и прокручивать. Это – так называемые «социальные сети». Одни придурки высылают дурацкие картинки другим придурком – всем своим контактам по 100—200 человек, а те так же очень быстро прокручивают эти картинки. Не задерживаешь больше 1 секунды ни на картинке, ни на тексте, что там может быть написан. При этом больше чем одной строки текста они не умеют читать. От слова вообще. Сразу переходят на другую страницу или сообщение. В этом смысл социальных сетей. Никто ничего не читает и не пишет – больше чем одной строки. У некоторых хватает ума только нажимать на смайлики: это такие дурацкие картинки из двух полосок, а ты сам догадываешься, что это – улыбка или это не улыбка, а плач – такая как бы современная передача эмоций. На самом деле, просто извращение для дебилов. Если у такого дебила отобрать телефон минут на пять или выключить интернет минуты на две, то он будет биться в конвульсиях и родовых схватках, драться со всеми за то, что ему не предоставляют «свободу общения». Из этого следует, что самое действенное лечебное средство, которое может отрезвить празднично-шатающийся молодежь с написанными для них и проплаченными западными кураторами требованиями, есть простая блокировка всех сим карт на заданной улице или площади. Через 1 минуту все очередные «сопротивляющиеся кровавому режиму» юнцы и девицы с цветочками побегут выяснять у провайдеров, где же интернет и куда бежать, чтобы восстановить СИМ карту. Ведь на них

должны поступать, причём регулярно, из другой страны большие деньги (относительно зря-платы за ничего неделание в своей стране) на качественное обгаживание своей страны и её «плохого» президента. Поскольку – всё есть выгода и продажа себя и страны своей за подачки в виде туалетной бумаги (называемой баксо-деньгами – без стоимости и золотого эквивалента) из «хорошей» страны, носителя «демократии», то есть трупов (уже почти 25 миллионов грохнули прямо и косвенно, зато «демократично») за послевоенный период. Детей жаль.

Мам. Сегодня у меня – день рождения: я старше тебя, той – ушедшей от нас, в полтора раза. Тебе в тот наш с тобою самый ужасный день было 50, а мне – 26. Но я рад. Всё-таки так хорошо, что тебя уже нет в этом псевдо-времени, в этом псевдо-будущем. Да и многим живущим сейчас – оно тоже тошнит. Но делать нечего – жизнь есть жизнь. И сжевать её, корчась и сплёвывая, нужно до конца, до последней минуты.

Ненастность

Ну вот – наконец-то ты здесь. Дождался. Встреча. Сотни часов томительного ожидания – позади. Как будто бы – все хорошо. Но где ты, где же – моя ты? Твой холод пронизывает до самой глубины. Ты – рядом, но только физически, а я чувствую, что опять – игра в кто-кого. Зачем? Что тебе это даст? Самоутверждение? Превосходство? Или установление внутривласти твоей во мне? Зря ты так. Ты же уверена: выигрыш – твой. Без борьбы.

Ты мечешься. Ты не знаешь, что делать. И я тоже. Мы ведь ищем друг друга. А не друг против друга. Очнись. Очнись от этой надоевшей своей привычностью и повторяемостью гонки! Стань собою. Искренне. На минуту. Это хоть и самое трудное, но – это же единственный путь к настоящему, а не к взаимосмерти, задолго раньше физической.

Ночь. А я думаю о тебе. Да, я думаю о тебе. И не страшусь – как этого, так и сказать об этом. Ведь – все так. Время без тебя – не время. Для этой величины нужно придумать новую единицу измерения – псевдосекунда. Не хочу свое живое время измерять в псевдосекундах, псевдочасах, псевдосутках, псевдогодах. Не хочу псевдопрожить псевдожизнь – без тебя.

И ты не можешь – без меня, без нас, без наших отношений, без нашего настоящего, искромсанного эмоциями разного цвета вплоть до червленого. Тот, кто вкусил настоящего, на фальшь не пойдет. По своему желанию. Жажда настоящего неизлечима пресностью событий внешних.

Я чувствую, что тоже стал для тебя человеком номер один. А ведь назад дороги нет. И это ужасно. Мы оба это знаем. Да, ты можешь забыть мое лицо. Но изображение тебе вовсе не нужно. Мегапиксели – тщетны. Нас могут разделить координатами в пространстве, положением, взаимозабвением, обстоятельствами. Ну и что? В тебе всегда будет изливаться душа моя, звучать мой голос, мои-твои стихи, мои-твои песни, мое чувство – к тебе и чувство тебя – во мне. И все это – неотвратимо, повешено и навсегда.

Я пойму тебя, пойму – только не бойся этого. Ведь я всегда – вместе с тобою, а не против тебя. Я постигну тебя – именно так, как хочешь ты. И ложь твою, и игру – даже нечестную, и стремления – даже низкие, и намерения – даже корыстные. Потому, что не враг я тебе, не извне я живу, а внутри тебя. Растворен. И переплетен – душа с душой. Даже глубже, чем ты сама в себе. И нет сил – ни у кого – изжить меня. И – незачем.

Почему же без тебя – все вокруг так ненастно, пустынно и грустно?...

Судорога времени

Незасыпаемая ночь... На потолке – чужие тени... Я – извиваюсь... На одинарке в одиночке. Что меня гложет? Она? Болезнь? Души? Тела? Не знаю. Но – всем достается поровну. Картины... Воспоминания... Нет сил уснуть. В этом ужасе образов. Фотографий. Они развешаны – везде. Детство. Родные. Все то, что – не сейчас. И – не здесь. И ожить – не способно уже. И – помочь выжить. Не знаю, что делать с ними. В себе. И на стенах. Они ждут меня. Потому, что их нет. Среди них один я – здесь. Забытый ими как-бы случайно. Войти туда на минутку, чтобы не выйти? Чтобы – не вернуться. Как?

Этот мир... Он всегда был таким. Зачем он мне? Все – ложь. Игра. Пустые тексты. Не те изображения. Корчащие действительность. Все – не то. Все – не мое. И ничье.

Ругаюсь – вслух. Чтобы – отстраниться. Никто не услышит. Но, даже если и не так. Чепуха. Все они – те. Иноязычники. Что они могут понять? Только интонацию. Надрыв. Прогрешеть. Нет. Сомневаюсь и в этом. Опять. Мой Язык – мое спасенье. Пусть я и приличный. Плевать. Никому никто не нужен. Ни здесь. Ни там. Это помогает. Преодолеть. Все, что накопилось. Не сбылось. Рассеялось. Забылось.

Проклятая бумага. Она передает так ничтожно мало. И то – кажущееся. Где боль и страдания? Где мои чувства – сейчас? Она – белая и все. Как мое сознание в этой ночи. Что же с ней? Хохочущая, чернющая, она – вдруг остановилась. И я, застывший, никак не могу прошагать и полчаса в ней. Судорога времени. Изнывание пространства. И – себя. Где же обещанная бесконечность? Где неисчезновение? Лишь вечно-пряные бренности: быт, безделье, пороки, роли.

Что писать? Кому? Зачем? Кто прочтет? Кроме меня. И то – лишь в момент создания. Написанное – отчуждается от меня. Тут же. Строки реальные – уже не мои. Они принадлежат моему не-Я. Которое – не здесь. Но где? Что происходит, когда тебя нет в тебе? Это – так непросто. Тебе – весь мир. В ответ – отказ. Зачем он мне – весь? Иллюзия... Пусть – квант. Но – мой. Неприкасаемый. Для них. Для него. Для меня. Для картонных небоскребов из ничто. Остужающих все. И остывающих.

Вокруг – удушающая смесь. Из любви и ненависти. Искренности и спектакля искреннего. Как понять, что где? Как выкристаллизовать то, что сможет не дать упасть. Непроницаемая стена. Что высказывать в нее, если она отражает все, искажая.

Нет, я не складываю руки вместе. Я – сжимаю их. До хруста. До полного онемения. До истины. Это – другое. Может быть – и противоположное.

За окном непрозрачным – дождливый ветер... День уже или ночь еще – не у кого спросить. И – давит все. И – никакого времени...

Двойная спираль прошлого

Мы всегда жалеем о прошлом. То это надо было бы сделать, а того человека – не надо было бы бросать. Зачем тогда и начинать, если всё равно уходить? Вначале думается – всё навечно. А потом оказывается, что жизнь гораздо проще. Хотя и кажется сложнее.

Главный вопрос, он же и сожаление: зачем и на что были потрачены эти наши общие годы? Какой был смысл нашего общего титанического труда по написанию научных статей, придумыванию новых идей? Была ли правильной эта цель: защита диссертации твоей? В этом ли заключается смысл семейной жизни? Было ли это зря?

Ответ – не тот, что тебе понравится. Нет, всё это было не зря, если бы мы оставались вместе. Жизнь противоречива. Дает одно, одновременно забирая другое. Наша жизнь была переплетением любви и науки, секса и стремления вперед, к неизвестному, творчества и просто человеческой дружбы. Я старался выстроить нашу двойную спираль взаимоотношений – по маленькому кодону каждый день. Это была реальная гармония по многим параметрам. В ответ – только ссоры, комплексации, наезды и претензии. Только ад быта – возвращался мне сполна. Конечно, нервы есть у всех. Но и глупость тоже. К сожалению.

Ты надеялась, что, получив диссертацию, тут же хлопнув дверью и за минуту разрушив то, что строилось годами, бессонными ночами, оставишь себе всё готовым и нетронутым? Нет. Ты потеряла не только меня, не только будущее нашей общей научной теории, ты утратила сам смысл жизни своей, её будущее. Ты ушла не только от меня. Ты ушла и от себя – той, настоящей.

Отбросив меня, ты отбросила и все эти годы, всю свою молодость, которые имели значение только со мной. И ты знаешь это.

Понятно, что вместе мы бы продолжали идти вперед и наполнять нашу жизнь бесконечным. Писали бы вместе книги, изобретали теории, ездили по конференциям и многим городам мира вместе, соединенные любовью и дружбой, соавторством и сотворчеством. Я бы продолжал возвышать тебя перед всеми и во всех смыслах, иногда чрезмерно, ты это знаешь. И ты думала, что так будет всегда.

Всё получилось наоборот. Я смог восстановиться после этого удара по многим болевым точкам. В науке у меня много направлений, не только наше, в жизни много друзей – по всему миру, много смыслов, чтобы не потерять себя, чтобы не жалеть о том, что я был с тобой, что я столько вложил в тебя, что ты всё это выбросила без минуты размышлений.

Отдавать себя-всего женщине – это и есть – быть свободным от неё. Этого ты не учла. И зря.

Мне не хотелось писать лично. Не из мести, нет. Из-за пустоты...

Каждый из читателей забирает частичку боли предательства. Самому, без них – тяжелее унять её. Эти несколько строк – и есть ответ на многолетние обиды и унижения. Именно так, не тебе, а им я пишу.

Ничего. Не в первый раз. Предательства – придают устойчивость. Я готов к последующим. Не страшно. Привык...

Всё в жизни – только повторяется. Но сама жизнь – нет...

Время

Время. Попытки обмануть себя. Заполнить лишь бы чем-нибудь. Не взглядом в себя. Там – не очень. Общение – впустую. С пустым. Пустым. Один. Сам с собой. Но в обязательном присутствии. Вакуум. Вокруг. В себе.

Бьюсь, где взять его. Но зачем? И что? Ну вот, полно его. Целый день. И что? Что изнутри? Где движение себя? Где я? Где мое «Я»? Пытки Ничто.

За окном кипит жизнь. Псевдо-жизнь. Они тоже пытаются его уничтожить. Не чувствуя. Сотни будто дел. Все прочесть. Зачем? Все ощутить. Для чего? Чтобы не знать неумолимого его ритма.

Надежда на не сейчас. Как соломинка, волокущая на дно. И нет пути назад. Пока надеешься.

Я пою тебе грусть

Я пою тебе грусть... В первый раз... Гитара... Стена белая... Просто пою... Зачем? Кому это нужно? Не задумываюсь. Я пою тебе грусть... Грусть... Ни о чем. Так можно больше сказать. Чем думаешь, чем даже сможешь. Столько прошло этих дней – вместе... Вместе... Мы – вместе... Прекрасные дни. Представляешь. Но – нет. Я уже не могу сейчас их представить. Нет. Почему? Не знаю. И не хотел бы знать. Зачем?

Скучаю по тебе-той... Скучаю. И не потому, что тебя нет рядом со мною. Ты – есть. Ты – со мной. Но не успеваешь почему-то. Ну, скорее. Так жду тебя. На всех остановках метро, трамвая. Жду тебя. И может – люблю тебя... Жду... Где же ты? Как же ты? – Не убегай. В бесконечность иных. Я так жду, что стою на месте. Иногда. Жду. И не могу стоять. Иногда...

Нами истерзано – столько друг друга. Измучено. Друг друга. Части – остались. Но – зачем? Всегда этот вопрос. Зачем? Я всегда хотел. Изменить. Хотел. Тебя. Себя. Нас. Чтобы уйти – вперед. Скорее. Спешил. Чтобы пойти дальше. Вместе. Не обращая ни на кого внимания. Ни на что. Но. Вместе... Где же ты? Я жду. Но где же? Наше доверие другому. Где же оно. А наша взаимооткрытость? Открытость. Что же стоит остальное по сравнению с этим? Ничего...

Каждый шаг. Твой. И мой. Вперед. Вымучен. Слезами. Нами. Страданиями. Каждый шаг. Наш. Достается с трудом. Столько отдавать. Кому? Но только на первый взгляд. Можно все и потерять. И – сразу. И все – иметь. Потом. На самом деле. Все. И даже бессмертие. И душу. И дух. Приходит потом – все. Но только нужно идти. Вперед. А не стоять. Потому что это – жизнь. Жизнь. Она поглотит. Как болото. Поглотит, если остановишься. Трясина жизни. Но ты не стой. Не останавливайся. Поглотит – мелочной пошлостью. Бытом. И дрянью. Предательскими изменами и подлостью. И себе. И другим. Других – себе. Это же – не тот путь. Не тот... Ведь – тупик. Тупик... Тупик... Не ходи в тупики. Чувствуй их. На них – нет времени. У тебя. У меня. У нас. Сколько осталось? Есть может немного... Чуть. Опомнись. Чтобы подобрать эти крохи времени. Нужно в десять раз больше. Усилий. Времени. Собрать их. И – нет дороги назад. Нет...

Только совершенство. Совершенство... Совершенство стоит того, чтобы жить. Жить... Только жизнь – чтобы жить. Внутрисовершенство... Все остальное. И иное. Это – пустота. Пустота... Поверь. Я уберегу тебя от пустоты. Пустоты... Не бойся. Ошибки... Пусть. Исправим их – только вместе. И – к совершенству. Вместе... К совершенству... К жизни настоящей. Забыв себя-тех. Тех пустых... Никчемных... Незрячих. Пустых, которых так жаль потерять. Боимся. Каждый день. И – зря. Зря... Дорожим ими-теми. Впустую. Будто ценное в них может быть. Или стоящее. Ничего... Не нужно. Стоящее – только там. Вдали... Впереди. В тумане будущего. Не видно. Ничего не видно, если оглядываться. В пустоту. Сомневаться. Не оглядывайся... Умоляю – не оглядывайся. Умоляю... Умоляю... И поэтому... Я пою тебе грусть...

Твоя смерть во мне

Вот я и пережил твою смерть. Писать дальше нечего. Точка. Но, нет! Внутри этой точки – бесконечность. Которой не избежать. Ватный воздух. Будь он проклят. Насовсем, что ли? Дышать-то надо. А зачем? Проклятое воображение. Что же с ним делать? Представить все без тебя? В остатке – лишь бессмысленность и пустота. За что?

Вот я и пережил твою неподвижную болезнь. Мучения. Наши. Сны. Выражение лица моего – изменилось. Сжатое гримасой обреченности, оно не тает в толпе и вызывает сочувственные взгляды, которых я не вижу, но – чувствую. Энергией своей – расталкиваю всех и несусь к тебе. Только ты. Теперь понятно, для кого накапливался во мне этот заряд заботливости, который другие разбрасывают детям, не забывая нравоучения, показательные ласки и экскременты своих комплексов. А для любимых – ложь и готовность в любую минуту к измене и предательству. Лишь бы не знал никто. И все – можно. А забота? Бывает ли она искренней хоть иногда?

Представляю – все. И ты – у меня. И двигаешься – только одной рукой. И – творишь. Я – жду. Ты – говоришь. Называешь номер кисти. Мы намешиваем нужный цвет. И – творим. То, что говорит нам Он. Реальность? – Ее нет. Она – лишь ребенок, рожденный от Мечты и желания исчезнуть. Пусть живет, ладно. Немного осталось.

Как заглушить эту боль-владыку души? Моя водка – компьютерный экран. Проваливаюсь. Легче дышать. И – как-будто появляется какой-то смысл. Моя водка – полугруппы. Но и они – не спасают. Хватаюсь за гитару – последнюю соломинку. Нет. Все – не то. И даже – твой звонок. Он полон чем-то иным. Первый раз – тебя нет рядом, но Ты – здесь. Вокруг. И – во всем.

Я выпиваю твою смерть до дна. Нет вкуснее напитка из роз. Они стоят будто мертвые в нашей вазе, накапливаясь вместе с нашими праздниками. Ожидая – последнего. И не надеюсь...

Раздробленность

Ночь – невольница смерти. Каждодневное желанное умирание, чтобы на следующее утро казаться другим. Будто другим. Сон – поглотитель стремлений. Ненавижу. А куда денешься?

Бумага – простор невысказанности. Кому нужна? Перед кем? И за что? Сгусток оправданий. За несодеянное.

Порок и добродетель. Где они? В действиях? В мыслях? В представлениях? В понимании сущего. В осязании целостного. Происходящего.

Курит ли человек, глотнувший дым под гиканье толпы: «И ты – порочен»? Может быть он смеется над радостью примитивного понимания? То есть – непонимания вообще.

Порок – это власть над человеком. Не так важно, что за власть. А любая власть – это уже порок. Круг – замкнулся.

Разговор с мамой на ее могиле

Я иду по метровому снегу к тебе. Ветер со снегом – тоже в лицо. Будто злится. Каждый шаг – полсебя. Падаю, встаю, снова вперед. Я знал, что этот разговор должен был состояться. И он состоялся. С каждым шагом я переживал твою жизнь. И пережил ее. Я понял все. Твое одиночество, страдания, стремления и удары, наши удары. Живя с нами, ты была трижды одинока. Билась безрезультатно в закрытые наши души. А я боялся даже глаз твоих, рвущихся к нам, к пониманию и сочувствию. И – ни разу за всю жизнь не заглянул в них. Там было наше спасение. Теперь я повторяю твою жизнь, делаю то же самое с тем же исходом. Это – месть запоздалая твоя. А зачем? Чтобы я всю жизнь свою метался среди женщин, усматривая в них часть тебя, пытаюсь искупить вину перед тобой. Мучаясь и страдая с ними, как ты – с нами. В поисках того, что было не получено от тебя по моему непробиваемому непониманию. Да, я так и делаю уже сколько лет. До сегодняшнего дня. Я растворил твою уже не злую и не обиженную месть. В любви к тебе. В понимании тебя. И того, что именно я – тот человек, с кем бы ты нашла, что так долго искала, и могла быть близка по-настоящему. Я принял и понял тебя. Но опоздал всего на семь лет. Только теперь, в день семилетия твоей смерти. Поздно? Нет. И еще раз нет. Ведь это могло не произойти вообще.

Я убрал снег с твоей могилы, давая тебе хоть немного подышать и поговорить со мной. Почистил фотографию твою и поцеловал в губы тебя. Как захотелось обнять тебя живую. Впервые в жизни. Очень. По-настоящему. Ты видишь, что я плачу? Ничего. Ведь это первые слезы по тебе. Уходя, я сказал тебе: «Я изменюсь, вот увидишь, я изменюсь». И еще: «Я приду к тебе, жди меня». Впервые не хотелось уходить от тебя. Там, за ветреным снежным полем меня ждал чужой город и чужая жизнь, в которой не было самого главного – Тебя.

Разговор с мамой через 32 года после её смерти

Помнишь, как мы говорили с тобою в годовщину твоей смерти у тебя на могиле? Это было в первый раз – за много перед этим лет, твоих живых ещё лет. И потом – я часто приходил, один и не один. Все они – были безразличны к тебе, ко мне. Ты это хорошо знала. Да и разговора как-то у нас – не получалось. При них. Поэтому, я опять решил написать тебе – всё. Издалека. Коротко – но, как есть.

Прошло 32 года, как ты оставила меня здесь. Среди них. Одного. Я всё думал – зачем? И за что? Самое простое – это предположить, что ты хотела освободить – меня от себя. Ты посчитала себя лишней и уже совсем не нужной мне. Нет – вовсе не так. Всё даже наоборот. Это – неправильно. Все эти годы – ты права, конечно, теперь права – не хватало мне тебя. Не хватало.

Наивность и бессмыслица. Как это ни смешно – я пытался отдать им то, что не отдал тебе. Что? Да я и сам не знаю, что? Хоть как-то. Хоть чуть. И пытался получить от них то, что не успел – от тебя. И – тщетно. И то, и другое. Что это? – Просто тепло. Которого нет нигде. Ни в ком. Может и другие так живут, но не говорят об этом вслух? Все, кто были рядом – сменяющиеся расчётливые лица, невидящие меня холодные глаза – все как бы глумились надо мною: какофония звуков, унижения и обиды, попытки уничтожить меня во мне, моё – в них. И может даже – тебя во мне. Они – не произнося ничего – как бы говорили: вот, попробуй сам, как это – быть среди всех, но быть – вне. Напридумывал – в себе. А он – есть? Реален? Существует?

Одиночество – в толпе. Безвыигрышная борьба с ним – эти твои веселые компании, сборы, посиделки – просто уход от него. И я понимаю. Только теперь. Когда собираю – точно так же, как и ты 40 лет назад – всех, кому, думаю, что могу доверять и с кем, думаю, что мне интересно. Будто. И понимаю, что это – лишь внешне. А внутри – пустота. Зачем она и кому нужна? Непонятно. За что даётся? И как она вообще может даваться кому-то. Это же – пустота. Но ведь – может. И это есть. Чувствую. И – льются слёзы. И – мужская истерика. Ну и что? Никто не видит. Все равно – пустота...

И понял я – почему? Предавали меня все – почему? И как. И – женщины, и – дети, и – друзья. И все, кому доверял. А любил ли? Мог ли я вообще их любить – без тебя? Ты подумала об этом – уходя?...

Да, теперь ты меня научила, что такое, когда тебя предают. Да, мне предавать тебя – было нелегко. Но у меня – хорошо получилась. Ты это знаешь. Легко. Я считал – их важнее тебя. И – просчитался. И даже тогда, когда я видел, что делаю, понимал, куда падаю. Но – ничего поделывать не мог. Меня несло – по мотивам глупой молодости – играючи, несло. В пропасть непонимания. Тебя, себя, жизни вообще. И я думал – вот сейчас, вот всё пройдет, всё не так уж и серьёзно, всё простится. Будет – ещё раз.

Но жизнь – это чистый эксперимент, и однократный. Никакой теории. Никаких повторений. Только раз. И всё. Ни красивые формулы, ни правильные слова – не опишут истинные отношения людей, их истинные неотншения, их глубину, их изменнность, их чушь. И не успокаивает даже то, что не только я предал тебя, но и он. Я узнал об этом – гораздо позже твоей смерти. С ужасом. Понятно, что, когда предают два любимых человека – зачем вообще быть здесь? И теперь я отвечаю – своей жизнью – на твой лукавый вопрос: ну, как оно – там, внизу – быть преданным? Быть никому не нужным. Быть вещью. Предметом. Причиной. Никем...

Догадался – ты ушла, чтобы дать мне эту свободу-псевдосвободу, это счастье/псевдосчастье, эту жизнь/псевдо-жизнь. И я принял – щедрый подарок твой. Но что с ним делать? Превратить в стремление? В доказательство – чего и кому? В движение – куда? К совершен-

ству? Вперед? Но где это? Зачем? В чужие страны? За чем? К творчеству? Про что? К людям? К тому – чего нет, кого нет? Ничего нет. Потому, что – нет, нет, нет! – Тебя...

Страничка запада

Окно смотрится в такое же зеркало. Ряд неотличимых домов-сказок. Цветы во дворе и внутри, на невысоких, символических лишь, оградах. По утрам старушка напротив обливает меня остывающим взглядом, не видя... Кого она ждет? Прошлое свое? Много их. Подстриженных коротко, только в брюках, достойных, ухоженных. Улица достатка ровная и чистая. Это – фасад.

Трамваи приходят с точностью до минуты: расписание на каждой остановке. Удобно. До противности. Так ведь можно и привыкнуть. Говорят громко, пытаюсь обратить на себя внимание. Лица твердые и чужие. По нашим меркам у них есть все. По их – так себе.

Сверхполные магазины, непонятно кем раскупаемые. Давно приевшаяся реклама. Любым желаниям – скорейшее удовлетворение. За ваши кровные. Почему же все это не делает их более счастливыми? Тоже проблемы, тоже заботы, тоже вечное недовольство. Все равно найдется, чем. Но: они вежливы. Они спокойны. Они уверены. Завтра все повторится. Они – нас поймут. Как всегда.

Она. Одета просто. Налету. Не накрашена. Зачем? И так хороша. Читает красочную рекламку. Обычно, такие листики, вкладываемые в газеты или разбрасываемые по почтовым ящикам, сразу находят себе место в урне. Сегодня вот, не успела. Придется читать. Чего бы блин купить еще? Четверг. После двух выходных все дружно идут в магазины и покупают на всю неделю. Традиция. Чтобы не думать. Чтобы не носить каждый день по сто грамм. А не потому, что исчезнет. Такого здесь не бывает. Чего нет на месте, можно заказать. Но это – редкость. Просто издевательство...

Он. Выглажен. Надушен. Себя обожает. Читает автожурнал. Какую бы машину выбрать? А со своей что делать? У сына уже есть. Ладно. Черт с ней. Ах, да. Акции? Что же будет с моими? В каком банке, какие проценты? Кто, куда и за сколько секунд пробежал? Зачем?...

Оно. Колени у носа. Ноги на сиденье. В наушниках, которые исторгают громко идиотские звуки. На носу и на щеке вживленное украшение. Блестит. Признак моды. Половина головы наголо. Другая зеленая. Крутости признак. Линия жизни начертана и оплачена родителями. Что делать? Скучища...

И так каждый день. Каждый месяц. Каждый год. Они не чувствуют себя несчастными. Но и другими, никакими – тоже. Как превозмочь все уменьшающуюся способность желать? Набор правильных правил. Размеренная жизнь-нежизнь...

Здесь – будто так хорошо. Хочу домой...

Побег из Мулен Руж

Вы где-нибудь видели физика-теоретика, которому неинтересны голые женские тела? Я, как физик-теоретик, таких точно не видел. Даже, если это «физичка-теоретичка», им сейчас всё позволено, даже парадами ходят. Но не в то далёкое «целомудренное» время.

И вот история, что приключилась во время конференции по математической физике в Париже, куда меня пригласили не как созерцателя женских тел, а как докладчика по суперсимметрии и супермногообразиям. Я старался изо всех сил, сидел день и ночь над формулами, рисовал графики, пытался рассказать всем мою новую теорию необратимых супермногообразий. Ведь была такая редкая возможность: рассказать свою теорию ведущим физикам мира. Я был очень «правильный» физик-теоретик и ни о чем женском вообще не думал, только формулы.

Наконец-то, как это бывает на всех конференциях, я зарегистрировался в воскресенье перед неделей сплошных докладов и получил деньги на все 10 дней, которые я должен провести в Париже. Причём платить я должен сам за всё, как я захочу, сколько захочу и где захочу. Капитализм. За гостиницу, за еду, за все мои приключения. Так что, всё равно на ноль плавно выходишь в конце конференции. Но никто, в том числе я сам, не знал, что у меня приключений будет так много. А именно – одно, однако очень серьезное.

Все произошло совершенно непредсказуемо. После получения мною огромной (по тем временам) суммы на проживание 10 дней в Париже (тогда ещё во франках) я пошёл гулять, просто гулять, куда глаза глядят. Очень умно: со всеми деньгами в толстом старом кошельке. Я был возле Сены, потом – совершенно случайно – я начал подниматься наверх, и в какой-то момент я повернул направо.

Это была роковая улица – и первое, что было роковым на этой улице, так магазины с журналами Windows. На тот момент это было уникальное событие. Я подошел к одному магазину, и перед ним была огромная гора журналов Windows, что выбросили вообще. Самые последние выпуски. Я был в шоке. В то время эта операционная система была не очень распространена, все интересовались ею, но как с нею эффективно и быстро работать, никто на самом деле очень и не знал. Потому и журналы Windows были на вес золота. Я подхожу к магазину и вижу гору журналов. Что делает настоящий наш человек? Он достает авоську, это такая сумочка состоящая из сплошных дырочек, но она каким-то нефизическим и невероятным образом держит в себе всё, что в неё положишь. Авоська есть авоська. Что ж. Я набиваю полностью мою авоську небольшой этими журналами Windows, именно последних выпусков. Выбираю журналы тщательно, полчаса. Поскольку я все их не могу утащить с собою. Я счастлив. Воскресенье, 12 часов дня. Температура 40° С. Я иду параллельно Сене. Она там внизу где-то. Красиво плещется.

Но здесь начинается поворот сюжета, которого даже я не ожидал. Вдруг, откуда ни возьмись, появляется первый магазин с журналами голых девчонок и приспособлений, что с ними делать, если придется. Я естественно захожу в магазин, как мужчина и физик-теоретик интересующийся (см. первую фразу рассказа), просматриваю все достопримечательности там – для девочек без всего. Выхожу довольный и иду дальше. Через 10 метров ещё один такой «книжный» магазин. Я, конечно, тоже захожу, ну и там всё то же самое. Надоедает. Иду дальше. Частота подобных магазинов и киосков начинает резко увеличиваться. Я абсолютно не понимаю, что происходит. Какой-то район не тот, наверное. Только потом узнал, что я был на улице, которая ведёт именно к Мулен Руж. Тогда, даже уже будучи девственником неоднократным (см. моё одноимённое стихотворение), я вообще не знал, что такое Мулен Руж в реальности, только как образ «этого». Когда я подошел к этой красной мельнице, было очень интересно. Особенно давили 5 кг журналов Windows в авоське в правой руке. Я спросил на входе Мулен

Руж, когда представления с теми девочками, которые у вас нарисованы так аппетитно на входе и на витринах вокруг. Мне ответили с грустью – только вечером. Цены жуткие.

Следующий мой шаг был тоже роковым. Я посмотрел на какое-то странное заведение напротив Мулен Руж, на той же стороне. Я подумал, что это как бы филиал, но с представлениями сейчас тоже. Подошел к нему. Там был интересный молодой человек, который зазывал таких идиотов, как я. Перед входом стояли стенды с фотографиями голых девочек, которыми я должен был сильно заинтересоваться. И я сильно заинтересовался. Поскольку мне было очень интересно, а что же там внутри? Не девочек, я это знал, а внутри заведения.

Тем более, что я был очень «опытным» зрителем. Ведь только недавно я был в Германии в одном таком кинотеатре интересном. В нём четыре зала транслировали порно фильмы, а вот в одном из них девочка выходила живьём, но без всего, и болтала этим без-всем. Вверху над входом каждого зала лампочка показывала, где же точно живая девочка. Я пошел напролом. К ней. Зрелище было скучное, поскольку эта «девочка» была далеко за 40, и у неё всё висело. Она посидела на стуле помахала ногами в стороны туда сюда, чтобы мы могли «всё» увидеть, и убежала. Мне было, честно говоря, тошно. Да и мой возраст (тогда – меньше 40) сказывался. Выходить можно было из любого зала на улицу без всяких проблем, что я и сделал мгновенно. Как только выпил своё пиво. Поэтому я подумал, что и здесь, в Париже, будет такая же чепуха, такая же болтанка всем, что висит. И без всяких проблем с выходом. Но я ошибался. В жизни аналитические продолжения в основном не работают.

В этом клубе напротив Мулен Руж (в те годы был другой клуб), чем сейчас, безобидный, с напитками только. Тогда там была большая сцена, на которой танцевали девочки – совершенно без всего. В зале сидели несколько скучающих парочек, что мечтали о сексе друг с другом, или одинокие мужчины, что мечтали о сексе с другими (может быть). По краям были ложи, куда можно было заказать что-нибудь выпить. Я подошел к фотографиям девочек на входе этого заведения и стал разговаривать с тем человеком, который зазывал таких лохов, как я, вовнутрь. Когда он услышал, что я не говорю по-французски, а говорю только по-английски, да ещё с русским акцентом, он стал произносить произвольно разные русские слова, чем и купил меня полностью. Кажется, он был серб. Я очень хорошо помню, что вход стоил 110 франков а у меня было только \$10, что есть половина по тому курсу, для таких развлечений. Я предложил эти \$10, он согласился, ссылаясь на жару, и я очень обрадовался «шаре». Как будет ясно, зря. Поскольку температура на улице была «всего» 40°, и 12 часов дня, то идиотов, которые хотели бы посмотреть на голых девочек, было, ну скажем, не очень много. Поэтому он согласился, и когда я доставал свои \$10, а в соседнем отсеке кошелька лежала полная толстая пачка франков, которую мне дали на 10 дней конференции, то он увидел опытным взором интересное содержание. И сделал выводы. Только потом я понял это. Поэтому он провёл меня как VIP person, направо в отдельную ложу. Я ничего не подозревал и был очень горд, что меня признали VIP. Сбоку было виднее и девочки «голее». Наив.

После стандартного представления под музыку и подскакиваний без всего – вдруг одна из девочек рванула ко мне. Она села рядом, взяла меня нежно (но профессионально) за руку и сказала что её зовут Аня из Испании. Работает недавно, неопытная. Я тут же «поверил». А также, что ей я очень нравлюсь. Тоже «поверил». Да, скажу честно, она мне понравилась, и я реально возбужден, готовый на всё, и с готовностью платить за всё. Она была худенькая и жалкая, стала говорить, что её заставляют «этим» заниматься под угрозой жизни. Я поверил. И это честно. Оригинально, но и до этого момента совершенно нельзя догадаться, что будет дальше. Но я и не догадался.

Вдруг я вижу, что из противоположного конца зала идёт большой человек с тачкой, на этой тачке лежит огромная бутылка шампанского, может быть литров 10. И он говорит: Ваша дама (с какого такого момента она стала моей, я вообще не понял) очень хочет выпить, просто «немножко шампанского» (10 литров, что ли?). Я по наивности подумал, что пусть

пьет, хоть лопнет. Она же заказывает. Я даже спросил, ты хочешь пить, она ответила, что нет. Но оказывается, капитализм есть капитализм. В этот момент он протянул мне чек именно на эту сумму огромную, что в точности была равна моим всем деньгам, которые я получил на конференцию. Интересно, как он узнал. Сумма была с тремя нулями. А кроме этих денег у меня вообще ничего не было, абсолютный ноль. Деньги были вплотную к еде и гостинице, одной из самых лучших в Париже. Я бы и на метро не смог бы вернуться.

Ситуация начала приобретать серьёзный характер. Я сказал менеджеру-вышибале огромному, что я ничего не заказывал. А он говорит, что эта дама заказала, а я должен исполнять все пожелания дамы, которые переходят ко мне. Интересно. Логика сногшибательная. Он начал поднимать на меня тон. И толкать. Дама под названием Аня, видя, что ситуация приобретает интересный характер, причём непредсказуемый, сказала, что её зовут подруги, и она побежала к ним. При этом девочки с противоположной части зала, что тоже трясли «всем» на сцене, выглядывали из-за кулис с большим интересом, ожидая, как очередного лоха будут бить. Зрители из зала числом в шесть человек быстро вышли, чувствуя горячую фазу представления. За ними закрыли дверь на большую двухметровую деревяшку поперёк. Я встал, этот менеджер начал меня руками снова толкать вовнутрь ложи. Понимая, что я могу лечь и автоматически (но без желания) отдать ему все деньги, которые его товарищ лично увидел на входе, как и с предыдущими лохами, нужно было сосредоточиться и сохранять спокойствие. Менеджер был больше меня в полтора раза. Видя эту интересную ситуацию я стал лихорадочно думать что делать вообще. И я придумал.

Я взял кошелёк из заднего кармана, открыл его и показал ему перед носом тучу денег в развороте. К его изумлению и неожиданному созерцанию желанного. Он обмяк от суммы и, видимо, порадовался быстрому заработку. Я сказал, да, конечно же, заплачу, но просто ничего не вижу, здесь темно, давай выйдем на сцену. Он, ничего не подозревая, держа меня за рукав, ну очень сильно, повёл меня на сцену с огромными прожекторами. Самое главное, что на сцене он вдруг успокоился и отпустил моё плечо. Поскольку было всё видно, и все были в безопасности, особенно деньги, как он полагал. Как бы всё под контролем. И это была его очень большая ошибка.

В момент, когда он отпустил хватку моего плеча, очень серьёзную, кстати, я инстинктивно принял решение. Не думая вообще. Я вырвался. Прыгнул со сцены прямо на первый ряд сверху и начал бежать через все ряды в направлении к выходу. Это было около 20 рядов, и я бежал по их верхушкам. Изю всех сил, что были у меня. Поскольку зал был очень широкий, а два охранника стояли очень далеко по бокам, они тоже начали бежать к центру, ведь они абсолютно не ожидали, что я начну скакать по этим креслам верхушкам напрямую к выходу в центре зала, как кенгуру. Я не понимаю, каким образом я ни разу не споткнулся и не упал, не сломал ног. В моих руках был кошелёк развёрнутый со всеми деньгами, а во второй руке была всё та же сетка с Windows, килограмм пять. Когда я прыгнул на последнее кресло, я оттолкнулся, что было сил, подставил руку с Windows и ударил по этой деревянной заслонке (шириной 15см примерно). И она обломилось, я вывалился наружу, как мешок с картошкой. Но закрываясь, как мячик, не ушибся вообще. Нас так падать учитель физкультуры учил. Так я и вспомнил вовремя.

Ситуация интересная. Я на свободе. Куда бежать? У преследователей машины ведь. Далеко не убежать, если по прямой. Я повернул направо и ещё раз направо, и рванул вверх по очень узкой улочке. Там были кафе, люди сидели, откинувшись, спокойно пили кофе и холодную воду в 12 часов дня в 40° жары. Приходилось сбивать их со стульев, разливая кофе. Они меня реально боялись: сетка с Windows и окровавленная рука с открытым кошельком и тучей денег. Все думали, что я их украл и убегаю теперь. Сцена не для слабонервных. Хорошо, что они не позвонили в полицию. Кстати, тогда не было смартфонов и камер. А то бы я столько просмотров на YouTube набрал. Вместе со реальным сроком.

Боковым зрением я увидел, что охранники сели в машину. Тогда я повернул ещё раз направо и ещё раз направо, и вернулся прямо к этому же месту, клубу, но с противоположной страны. Этот ход был выше их интеллекта. Они не могли настигнуть меня на машинах, хотя быстро поехали по знакомому им району. Видимо не в первый раз. Тогда я перебежал улицу большую, лавируя между машинами, не помню название, и рванул вниз к Сене. Причём я выбрал встречную полосу, улочку, где машины ехали наверх, навстречу мне. Это было ключевым решением. Я падал на капоты машин, переворачивался, поднимался и бежал дальше, поскольку последующие улицы были тоже очень узкие. Там, на этих маленьких улочках, не было даже места для прохождения пешком вниз. Или машина, или ты. Чтобы пропустить машину в некоторых местах надо было сильно прижиматься к стене, тротуаров не было. Так я бежал 10 минут, набрасываясь на машины и оставляя на них мою кровь. Она сочилась очень хорошо, поскольку я разбил серьёзную деревяшку. До сих пор этот след у меня есть. Как память.

И вот я бегу вниз навстречу машинам. И вдруг справа вижу огромную дверь. Это была церковь, я не знал, что это, надо было просто спрятаться, я забегаю в церковь. Понятно, какое «тихое» у меня было дыхание на всю церковь. Это была месса воскресная. Несколько десятков человек повернулись на моё дыхание, которое забивало текст священника. Видимо, заценили 5 кг журналов Windows и окровавленную руку с полным денег кошельком. Всё украл, подумали. Зауважали. Я сел на последнюю скамейку и сказал им тихо: всё в порядке, никаких проблем. Все поняли, что меня лучше не трогать, поскольку я был полностью окровавлен и перевозбуждён. Я просидел 40 минут, прослушал литургию, успокоился. Затем вышел и благополучно дошел пешком до своей гостиницы. Потом завершил мою конференцию и прочитал успешно доклады на ней. Но, конечно, никому об этом случае не сказал, особенно организаторам.

Позже я узнал, что в этих «злачных» местах регулярно пропадают люди. Особенно те, что отказываются оплачивать «честные» заказы. Их не находят, конечно. Причём не единицами, а десятками. Так что мне повезло по всему.

С тех пор я в клубы с девочками без всего – ни ногой. Ни при каких обстоятельствах. Ни при каких желаниях. Просто жизнь – дороже.

Три Романа

Да. Я все время думал, что ты пьешь из-за меня, из-за того, что не получилось у нас. Как хотели. А может и получилось? Может быть, мы именно так и хотели? Кто докажет? Поздно.

Всегда мы думаем, что другой начинает пить по нашей причине, что не кто иной, как сам виноват. Но оказывается, что жизнь намного сложнее. Пьют независимо. И даже от генов. Ведь в твоей семье никто не пил. Стоит ли всегда себя винить, а другого жалеть? Может быть, совсем наоборот?

С ужасом представляю, что бы было с нашими жизнями, если бы мы не расстались. Если бы ты не ушла – к ней. Чтобы я не ревновал. Если бы я не принял это – назло. Чтобы отомстить тебе. Страшная месть в момент ухода – согласие на уход. Потом ты говорила, что так хотела, чтобы я не отпускал тебя. Но я отпустил. Никто из нас не знает сейчас и не скажет, зря или не зря. Ведь наша жизнь не имеет сослагательного наклонения. У нас нет возможности проводить эксперименты с контрольными группами по сто человек, а потом статистику обрабатывать. Есть ровно один наш «случайный» случай. Наша жизнь.

Что нужно, чтобы прожить, не жалея? Не жалея себя, не жалея друг друга? Как говорят: «она себя, а он себя»... Чтобы не говорить: она пьет из-за «неполучившихся» нас. Или из-за недостаточной любви, неправильного поведения. А может: она просто пьет – и всё?

Дрожа, вспоминаю мою панику непоправимости: я стоял на балконе и наблюдал, как ты шла из магазина с двумя сетками пива, но уже пьяная в стельку, падая в снег и ругаясь. А вечные бабушки у подъезда качали головою неодобрительно. И мне было стыдно до пределов нечеловеческих. Теперь давно и бабушек тех нет. А мне всё стыдно... Перед кем? Может перед нами? Как же так получилось?

Конечно, мы были хорошими собутыльниками. Посидеть, порассуждать вместе «умно» о жизни. «Про вселенную». Как всегда. Мне нравилось пить с тобой. Испытать хоть какую-то близость. На фоне бесконечных скандалов наших и нервов на пределе. По любому мелкому поводу. Нам обоим хотелось уйти от них. Хоть как-то. Хоть – так.

И даже начало отношений наших было озаглавлено тремя водками «Роман». Красивое название. Уже не выпускают. Ты тогда работу пропустила, поскольку мы день реально «потеряли». Четверг, я помню. Осталось чуть меньше половины бутылки. С трудом помню. Но это же был многочасовой забег-запой на двоих, в час по «капле». Так получилось. Нам нужно было каким-то образом проникнуть друг в друга. Сразу и навсегда. Казалось, что напиться вместе – это как раз и есть то самое. Рецепт совместного счастья. Но – не всё так просто в жизни. И она, жизнь – нам это и показала...

И дело вовсе не в детях, которых у нас не получилось, не в работе, которая у нас была. Не в предназначении, которое у нас состоялось, пусть и по-разному. В чём-то ином. Как уловить? Как доказать друг другу, «он себе, она себе», что всё заключается не в примитивной вине или «неправильном» поведении. Есть что-то иное, более глубокое. И кажется, что, если сесть вместе, опять «выпить и поговорить», то отношения вернуться. Иллюзия. Прошлых нас не вернуть.

Знаю, что ты читаешь этот странный текст. Одна. Издалека. Мы невозможно бесконечны друг от друга. По всему. Не только физически, не только расстояние мерит отчужденность. Сорвался на текст, потому что неожиданно получил от тебя же твоё видео с очередного дня рождения, где ты в своём стиле, абсолютно подшофе вслух читаешь стихи своих любимых бардов. Впрочем, как обычно. Уже тридцать лет. Опять – увидел тебя, декламирующую, плачущую, переполненную настоящими, а не пьяными, эмоциями. И скукающих друзей твоих за столом. Они переглядывались, держа невыпитые рюмки, перемигивались и пожимали плечами. Ничего не понимая – ни в тебе, ни в тексте стихов, ни в ситуации. Зато я понял – читала

ты мне. И вдруг меня пронзило – как тебе было одиноко среди них. И тщетно – от всех них, от чтений стихов – никому не нужных, от псевдо-застой, псевдо-друзей и псевдо-любимых. И я плакал. За нас двоих.

Закрываю слезящиеся глаза и вспоминаю наше безумное прошлое. Было ли оно вообще? Не помню. Но чувствую, догадываюсь. Чуть различаю – нашу кучную пространственно-временную нано-точку. Что растворилась отчуждением непризнанным в их проквантованном и застывшем в безразличии чувствований пространстве-времени...

Нет, нам нельзя во всём обвинять друг друга: «она себя, а он себя». Нужно подняться с колен взаимовины и взаимосуждения, и себя, и другого – отряхнуть с душ наших пыль прошлого как данности и идти дальше. У каждого своя тропинка-просека жизни – в одну расплывающуюся нано-точку. В никуда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.